Братоубийство. Франц Кафка

Как установлено, убийство произошло при следующих обстоятельствах.

Убийца, Шмар, в этот светлый лунный вечер, часов в девять, стал на угол, там, где Везе, его жертва, при выходе из улочки, где помещалась его контора, должен был свернуть в улочку, где он проживал.

Холодный ночной воздух всякого пробрал бы до костей, а на Шмаре был только легкий синий костюм, да и то пиджак нараспашку. Но он не чувствовал холода, к тому же все время был в движении. Свое орудие убийства – нечто среднее между штыком и кухонным ножом – он держал наготове, крепко зажатым в руке. Он повертел им; клинок сверкнул в лучах луны, но Шмару и этого показалось мало; он ударил им о камни мостовой, так что искры посыпались. Потом спохватился и стал править лезвие о подошву башмака, словно настраивал скрипку. Так, стоя на одной ноге и наклонясь вперед, он прислушивался к ширканью клинка о башмак и к тому, что творится на той, зловещей улочке.

Но почему это терпит Паллада, местный обыватель, следящий за всем из своего окна на втором этаже соседнего дома? Попробуй разберись в душе человека! Высоко подняв воротник халата, стянутого кистями на жирном животе, он только качает головой и смотрит вниз.

А пятью домами дальше фрау Везе в накинутой поверх ночной рубашки лисьей шубе тоже выглядывает из окна; она встревожена необычным опозданием мужа.

Но вот в конторе Везе звякнул дверной колокольчик. Слишком громкий звонок для дверного колокольчика, он разносится по городу, поднимается к небесам, и Везе, этот работяга, засиживающийся допоздна в своей конторе, выходит наконец, еще не видимый тем, кто ждет его на той улочке, но уже возвестивший о себе звонком; мостовая отсчитывает его спокойные шаги.

Паллада высунулся далеко вперед – как бы чего не упустить. Успокоенная звонком, фрау Везе захлопывает дребезжащее окно. Между тем Шмар опускается на колени. Руками и лицом – остальное у него еще сокрыто – он прижимается к камням. Там, где все мерзнет, Шмар пылает.

Как раз на границе, где улочки расходятся, Везе останавливается, но трость его уже за поворотом. Минутная причуда. Он загляделся в вечернее небо, темно-синее и золотое. Беспечно смотрит он ввысь, беспечно поправляет волосы под сдвинутой на затылок шляпой; но там, наверху, ничто не шелохнется, чтобы возвестить ему ближайшие события; все бессмысленно цепенеет на своих непреложных, непостижимых местах. В сущности, вполне разумно, что Везе идет дальше, но он идет под нож Шмара.

– Везе! – кричит Шмар, он привстал на носки и высоко занес руку с ножом. – Везе, напрасно ждет Юлия!

И справа в глотку, и слева в глотку, и третьим ударом глубоко в живот разит Шмар. Проткните водяную крысу, и вы услышите такой же звук, какой издал Везе.

– Все! – сказал Шмар и далеко отшвырнул свой нож, этот уже ненужный ему окровавленный балласт. – О восторг убийства! О чувство облегчения и окрыленности при виде потока чужой крови! Везе, старая ночная тень, друг, бессменный собутыльник, ты просочишься в щели мостовой и затеряешься в темном грунте. Жаль, что ты не просто налитый кровью пузырь, который, лопнув, исчез бы бесследно! Но не все идет, как хочется, не всем цветущим снам дано созреть; твои грузные останки лежат под ногами, уже недоступные пинку. Что же означает твой немой вопрос?

Паллада, давясь и брызжа ядом, стоит в распахнутых дверях.

– Шмар! Шмар! Все улики налицо, ничто не укрылось!

Паллада и Шмар испытующе смотрят друг на друга. Пал-лада торжествует, Шмар теряется.

Окруженная соседями, с постаревшим от ужаса лицом, спешит сюда фрау Везе. Полы ее шубы разлетаются, она прильнула к Везе, ее тело под ночной рубашкой принадлежит ему, ее шуба, сомкнувшаяся над этим супружеским ложем, как выстланная дерном могильная насыпь, принадлежит толпе.

Шмар, задыхаясь от подступившей к горлу смертельной тошноты, уткнулся в плечо полицейского, и тот проворно уводит его.